

Анастасия ЕЛКИНА

Тверски държавен университет, Русия
anastasiya031292@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ТЕКСТА:
ОТ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ К ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОМУ РОМАНУ
(«ФРЕГАТ ПАЛЛАДА» А.И. ГОНЧАРОВА И
«ЯПОНСКАЯ ТРИЛОГИЯ» Н.Б. ЗАДОРНОВА)**

Anastasiia ELKINA

Tver State University, Russia
anastasiya031292@yandex.ru

**TRANSFORMATION OF A DOCUMENTARY TEXT:
FROM A TRAVEL ESSAY TO AN ADVENTURE NOVEL
(FRIGATE 'PALLADA' BY A. I. GONCHAROV
AND JAPANESE TRILOGY BY N.B. ZADORNOV)**

This article is an attempt to analyze how the synthesis of the “documentary” text of I. A. Goncharov (*Frigate 'Pallada'*) and the “artistic” text of N. P. Zadornov (a cycle of novels about Eufimiya Putyatina) occurs and what ideological principles N. Zadornov uses when creating his literary *Japanese Trilogy*.

Keywords: *I.A. Goncharov, N.P. Zadornov, Orientalism, Japan, Russia*

Конец 40-х годов XIX века оказался временем очередного всплеска читательского интереса к литературе путешествий. Очерки В. Боткина об Испании, «Странствователь по морям и сушам» Е. Ковалевского, Т. Готье, Жерара де Нерваля и других приобретали популярность в России. Настоящий фурор произвела книга очерков И.А. Гончарова «Фрегат „Паллада“», составленная на основе путевых заметок писателя во время масштабной исторической экспедиции на военном корабле под командованием адмирала Е.В. Путятин. Выход гончаровских очерков совпал с ростом общественного интереса к путешествиям. Главной целью русской экспедиции было заключение договора с Японией и установление торгово-экономических отношений. Гончаров посвящает этому историческому событию два очерка под названиями «Русские в Японии» и «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов». Эти заметки познакомили русского читателя с одной из самых закрытых стран того времени, о которой мало было что известно.

Затем наиболее популярные травелоги XIX века переживают трансформацию и уже в конце XIX столетия переходят в круг школьного чтения, а в XX веке становятся частью художественных текстов, образуя новый литературный

жанр в контексте исторического и приключенческого романа. Н. Задорнов, используя путевые очерки И.А. Гончарова и материалы о Ефимии Путятине, выстраивает свою «японскую» тетралогию «Цунами», «Симода», «Хэда» и «Гонконг».

И на примере этих романов можно рассмотреть, как происходит слияние «документального» текста И.А. Гончарова и «художественного» текста Н. Задорнова и какие идеологические установки использует автор при создании литературного текста на основе текста очеркового.

С формальной точки зрения травелог является «отчетом о путешествии», повествующим о реальном перемещении автора-путешественника. «Фрегат «Паллада»», несомненно, выступает своеобразным «художественным отчетом» о действительно состоявшейся кругосветной экспедиции с дипломатической миссией в Японию. Несмотря на то, что в произведении автор не сообщает нам деталей хода переговоров с японцами, он описывает множество фактических подробностей путешествия: приводит реальные имена и фамилии участников экспедиции, дипломатов и купцов, адресатов своих путевых писем, названия посещенных портов, городов и островов, реальные даты, события и т. д. В произведении Гончарова проявляются такие свойства травелога, как реалистичность повествования и заданность пространственно-временных рамок сюжета реальностью, поскольку хронотоп произведения соответствует маршруту и датам экспедиции.

В главе «Русские в Японии» Гончаров пишет о консервативности и закрытости этой островной страны, где «всякая мелочь казалась знаменательной особенностью». «Вот этот запертой ларец, с потерянным ключом» (Гончаров 1986: 232), страна, в которую заглядывали, до сих пор с тщетными усилиями, склонить и золотом, и оружием, и хитрой политикой, на знакомство, но, говоря о закрытой, консервативно-традиционной Японии XIX века, Гончаров мысленно возвращается к временно оставленной России, в которой, по мнению писателя, в связи с опасностью патриархального застоя эволюционные реформы были необходимы.

В XX веке наблюдается совершенно иная идеологическая картина: во время событий Великой отечественной войны возникает новый поворот патристической тематики, весьма значимый для нашей страны в те годы. Знаменитая речь Сталина 7 ноября 1941 года дала советским писателям новую установку на развитие темы о любви к Отечеству в произведениях. Для того чтобы прочно закрепиться в литературе в жестких условиях сталинского времени, автор художественного текста доказывал свою «полезность». «Никто не должен был сомневаться в высокой литературной квалификации новых работников «идеологического фронта», как не сомневались в своих талантах сами начинающие писатели» (Митрохин 2001). Государственный заказ реализует и советский писатель Николай Задорнов в своих «дальневосточных» романах 1940-х годов. Задорнов и в дальнейшем занимался темой Дальнего Востока. В конце шестидесятых – в семидесятые годы он написал тетралогию «Цунами», «Симода», «Хэда» и «Гонконг»; действие романов происходит в середине прошлого века.

В «японских» романах Н. Задорнова описываются подлинные события русской истории середины XIX века. Экспедиция адмирала Путятина к берегам загадочной, закрытой для иностранцев Японии, небывалая катастрофа, гибель шхуны «Диана», строительство нового корабля, отплытие на родину и, наконец, подписание первого дружественного договора между Россией и Японией... (Рис. 1, 2).

Н. Задорнов работал в Японии не один год, в 60 лет он начал изучать японский язык, жил в деревне Хэда, на рыбацком корабле ходил по морю к подножию горы Фудзияма, где погиб адмирал Путятин, плавал на корабле в Гонконг. Русскому писателю разрешили даже работать в архиве императорского дворца, правда, к самим японским архивным документам Задорнов допущен не был. Но сведения об исторических лицах, интересовавших писателя, ему сообщил господин Кавада – молодой учёный архива императорского двора.

Трилогия «Хэда», «Цунами» и «Симода», объединённая позднее под общим названием «Сага о русских аргонавтах», была принята с огромным интересом не только российскими читателями, но и японскими исследователями. В Токио книги вышли в издательстве «Асахи».

В XX веке сюжет и конкретные цитаты из гончаровского текста начинают работать в совершенно ином идеологическом контексте в романах Н. Задорнова. Более двухсот лет Япония была закрытой страной. Поэтому кораблей у неё не было. Рыбакам разрешалось иметь небольшие лодки и уходить от берега лишь в пределах видимости. А любого иностранца, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должны были казнить.

Вот, что говорил по этому поводу сын Николая Павловича, сатирик Михаил Задорнов: «Недавно мне довелось разговаривать с одним высокопоставленным чиновником из российского МИДа. Даже он не знал, что «открытие» Японии произошло не по воле американской пушечной дипломатии, а благодаря дружелюбию и культуре русских моряков и офицеров. Недаром в японской деревне Хэда в наше время есть музей, открытый японцами в память о тех реальных событиях, после которых впервые открылся их железный самурайский занавес. В этом музее, в центральном просторном зале выставлен первый японский быстроходный парусный корабль, который был построен на японской земле с помощью российских офицеров в тот год» (цит. по Задорнов, М. 2008: 12).

Все тексты Н. Задорнова пишутся с оглядкой на текст гончаровский, являющийся «первым образцом русского ориентализма» (Алексеев 2014: 34). Но образцом идеологизации ориентализма в СССР, в данном случае, скорее, выступает роман А.Н. Степанова «Порт Артур», посвящённый русско-японской войне 1904—1905 гг. Он считается одним из лучших исторических романов советской литературы. От этого образца идеологического романа легко перейти к задорновской тетралогии о путешествии Путятина на Дальний восток. Беллетризованный текст «Фрегата «Паллады»» Гончарова в итоге становится частью художественного текста Николая Задорнова. Тетралогия больше наполнена сюжетными заимствованиями, нежели буквальными цитатами – они

встречаются не так часто и обычно не приводятся целиком. Задорнов опускает большую часть подробностей, видимо, для того, чтобы сосредоточиться на основном сюжете романов, так как в СССР к тому моменту о традициях и обычаях Японии было известно уже куда больше, нежели во времена Гончарова, когда такие подробности были русскому человеку в диковинку и требовали детального описания.

Вот пример точного воспроизведения деталей:

Цитата Гончарова: «Но самым замечательным и дорогим подарком была сабля, и по достоинству и по значению. Подарок сабли у них служит несомненным выражением дружбы. Японские сабельные клинки, бесспорно, лучшие в свете. Их строго запрещено вывозить. Клинки у них испытываются, если Эйноске не лгал, палачом над преступниками. Мастер отдает их, по выделке, прямо палачу, а тот пробует, сколько голов (!) можно перерубить разом. Мастер чеканит число голов на клинке. Это будто бы и служит у них оценкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубает, как говорил Эйноске, три головы. <...> Я не знаю толку в саблях, но не мог довольно налюбоваться на блеск и отделку клинка, подарка Кавадзи» (цит. по Гончаров 1986: 88).

И цитата Задорнова, связанную с этим же сюжетом: «Адмирал прошел вниз, к себе в салон. На стене висела сабля, подарок японского посла, та самая, которой срублено при испытании три человеческих головы. Путятину не по душе все эти жестокости, и в свое время он мысленно помолился за упокой душ трех мучеников, погибших при казни» (цит. по Задорнов, Н. 1984: 24). (Рис. 3).

Кавадзи не раз упоминается во «Фрегате “Паллада”» и в трилогии Задорнова, и, можно сказать, что оба писателя относились к этому политическому деятелю с явной симпатией. (Рис. 4).

Еще один интересный пример – рассказ о переводчике Эйноске, одном из главных персонажей романа Задорнова, человеке, который был главным связующим звеном на переговорах между Россией и Японией. Во время переговоров слова Цуцую переводил Кичибэ, а слова Кавадзи, фактического главы японской делегации, — Эйносукэ. Кавадзи высоко оценивал способности своего переводчика. (Рис. 5).

Цитата Гончарова: «Я познакомился с новым переводчиком Эйноске. Он говорит по-английски очень мало, но понимает почти все. Он научился у голландцев, из которых некоторые знают английский язык» (цит. по Гончаров 1986: 69).

Цитата Задорнова:

«← А, Мориама Эйноскэ! Здравствуйте! – сказал по-голландски Посьет, встречая прибывшего на лодке переводчика.

– Знакомьтесь, господа, – сказал по-русски Константин Николаевич, обращаясь к офицерам, – это знаменитый Мориама Эйноскэ – главный переводчик на переговорах в Нагасаки. Он вел переговоры с коммодором Перри. Еще раньше встречался с англичанами и американцами. Какие важные новос-

ти, Эйноскэ? Значит, здесь при управлении бугё есть должность переводчика иностранного языка! Каково японцы действуют! А сами клянутся, что у них все по-старому.

Мориама Эйноскэ немолод. Несмотря на шарик на бритой голове, он больше похож на американца, чем на японца. Эйноскэ высок, строен, широк в плечах, с достоинством поднимает голову. У него седина в висках, длинное лицо и крутой энергичный нос. Он чем-то похож на боксера, накинувшего на могучие плечи японский халат.

В Нагасаки Эйноскэ ползал на коленях, лежал плашмя на полу и втягивал в себя воздух после каждой фразы, как бы показывая, что не смеет дышать в присутствии представителей своего правительства. А теперь стал похож на джентльмена, держится прямо, не сгибается в вечном полупоклоне, его сухая широкая грудь выдается из-под халата, вид гимнаста. *Умный холодный* взгляд. А когда-то, как говорят, участвовал в допросах и пытках американских и английских моряков, попадавших после кораблекрушений в Японию» (цит. по Задорнов, Н. 1974: 83).

Гончаров неоднократно упоминает об Эйноскэ, но он в своей оценке Эйноскэ расходится с Кавадзи. Писатель, признавая талант Эйноскэ, относится к нему с антипатией: «Противнее всех вел себя Эйноскэ. Он был переводчиком при Кавадзи и потому переводил важнейшую часть переговоров. Он зазнался, едва слушал других полномочных; когда Кавадзи не было, он сидел на стуле развалившись. Вообще не скрывал, что он вырос, и под конец переговоров вел себя гораздо хуже, нежели в начале. (Рис. 6)

В романе Задорнова же Эйноскэ, как видим, предстает положительным персонажем, окружающие относятся к нему как к старому знакомому и доброму другу.

В целом, можно сказать, что текст Н. Задорнова дополняет тревелог Гончарова: опираясь на документы и архивные сведения, фотографии, а также на оригинальный текст, Николай Павлович воссоздает портреты и события тех дней, давая им более подробное и яркое художественное описание. Сам Гончаров также упоминается в романе, но не в качестве повествователя, а в качестве одного из персонажей этой истории.

Но и как можно заметить, один и тот же эпизод по-разному реализуется в тексте Гончарова и тексте Задорнова, так же, как различаются и их точки зрения на происходящее, и отношение к некоторым персонажам. Только главное отличие состоит в том, что текст Гончарова является non-fiction, все описанное автором – часть «реальной действительности», в том числе и поступки переводчика Эйносукэ; текст Задорнова должен рассматриваться в качестве fiction; все события автор восстанавливал на основе документального текста и не мог точно предполагать, как все было в действительности; текст «Фрегата...» становится источником художественного переосмысления событий.

Но идеологические установки двух текстов различны: Гончаров писал «Фрегат...» с целью сопоставления и противопоставления понятий «своего» и

«чужого» мира и этнонациональной позиции повествователя; герой в процессе путешествия осознаёт себя частью национальной русской культуры и в то же время осмысляет русскую культуру как часть мировой (не раз сравнивает герой Гончарова мир русского человека с миром европейца или азиата), и в этом ключе важно понять некие культурные, литературные, исторические координаты. «Я ведь уже сказал вам, что искомый результат путешествия – это параллель между чужим и своим. Мы так глубоко вросли корнями у себя дома, что, куда и как надолго бы я ни заехал, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногах» – пишет Гончаров (Гончаров 1986: 12).

У Николая Задорнова же наблюдаем совершенно иную идеологическую установку: писатель задумал серию романов о приключениях эскадры адмирала Путятина с целью показать мощь и величие русской/советской идеологии; восстановление исторической справедливости автор видит в том, что не американцы, а именно русские офицеры первыми открыли Японию миру, сделали этот значительный для мировой истории шаг. Здесь совершенно другая идеологическая кодировка, обращенная в иную жанровую оболочку с долей художественного вымысла.

Как видим, документальный текст Гончарова (путевые очерки) утрачивает свойства документа и становится частью художественного текста японской трилогии Н. Задорнова. Он также становится проводником совершенно иных идеологических установок. В XX веке роман Гончарова становится частью канона художественной литературы, и его non-fiction преобразуется в fiction в новых условиях бытования литературы в советский период. (Рис. 7).

В хронотопе японской трилогии в художественное время и пространство вплетены реальные исторические события и факты, благодаря которым Н. Задорнов создает вымышленный мир. Документальность в романе – лишь средство создания художественного образа, которое необходимо для большей достоверности изображения, создания стиля документального повествования.

Документализм невозможен без творческих обобщений, художественной типизации, основанной на идеологических установках. В данном случае, задорновский текст является скорее несколько примитивной, но умело модифицированной стилизацией, нежели художественным повествованием, созданным с опорой на документ.

Таким образом, художественная перекодировка документального исторического текста ведет к переосмыслению исторического нарратива. Н. Задорнов использует «документальный» текст Гончарова, создавая иллюзию объективности; однако в художественном тексте механизм создания иллюзии вступает в противоречие с заданной идеологической рамкой.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2014:** Алексеев, П.В. *Русский ориентальный травелог как жанр путевой прозы конца XVIII – первой трети XIX века* // Филология и человек. 2014. №2. 232 с. **Alekseev 2014:** Alekseev, P.V. *Russian Oriental Travelogue as a genre of travel prose of the end of the XVIII – the first third of the XIX century* // Philology and Man. 2014. № 2. 232 p.
- Гончаров 1986:** Гончаров, И.А. *Фрегат «Паллада»*. Очерки путешествия в 2-х томах. Саратов, 1986. 880 с. **Goncharov1986:** Goncharov, I.A. *Frigate “Pallada”*. Travel essays in 2 volumes. Saratov, 1986. 880 p.
- Задорнов 2008:** Задорнов, М. Н. *Язычник эры водолея*. – М.: АСТ, 2008 г. с 256. **Zadornov 2008:** Zadornov, M.N. *Pagan of the Aquarian Age*. – М.: AST, 2008, from 256.
- Задорнов 1974:** Задорнов, Н. П. *Цунами*. Роман. Издание второе. Рига: Лиесма, 1974 г. 357 с. **Zadornov 1974:** Zadornov, N.P. *Tsunami*. Novel. Second edition. Riga: Liesma, 1974. 357 p.
- Митрохин 2001:** Митрохин, Н. *Русская партия*// НЛО 2001, 48. [Электронный ресурс] // URL: Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/mitr.html> (Дата обращения 15.04.2018). **Mitrokhin 2001:** Mitrokhin, N. *Russian Party* // UFO 2001, 48. [Electronic resource] // URL: Access mode: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/48/mitr.html> (Contact date 15.04.2018)

(Рис. 1.) Подписание Симодского трактата о мире и дружбе между Россией и Японией, 1855 год. В центре – Евфимий Путятин и Кавадзи-саэмондзэ Тосиакира. Картина неизвестного художника.

(Рис. 2.) Симодский трактат. Экспозиция Музея в Хэда (Shipyards and Suruga Bay Deep-Sea Museum).

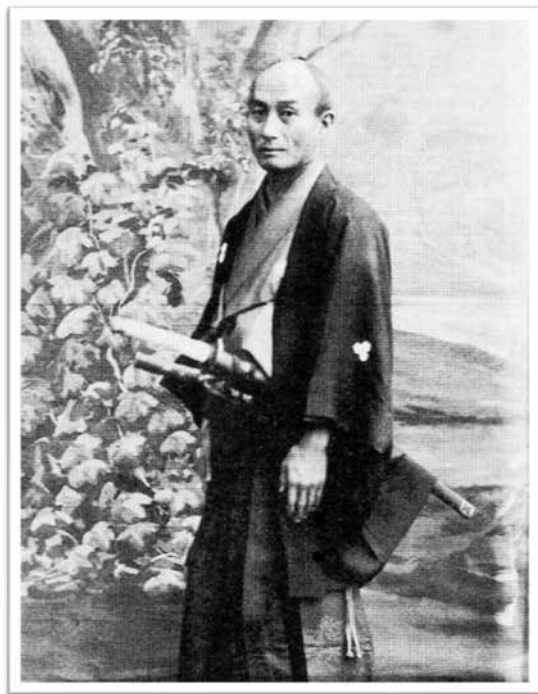

(Рис. 3.) Портрет Е.В. Путятина, написанный Эгоси Айкитиро, одним из свиты Кога Кинъитиро.

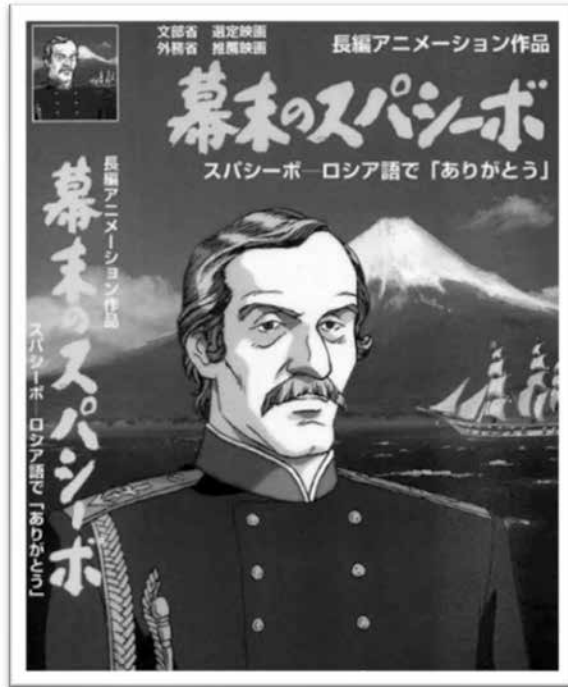
(Рис. 4.) Евфимий Путятин и Кавадзи Тосиакира, подписавшие Симодский трактат между Россией и Японией в 1855 году. Экспозиция Музея в Хэда (Shipyard and Suruga Bay Deep-Sea Museum).

(Рис. 5.) Морияма Эйносукэ, Нидерландский военный деятель, переводчик.

(Рис.6.) Японские уполномоченные во время переговоров о торговом трактате с генерал-адъютантом Путятиным в Симодэ (Япония) в декабре 1854 года (по рисунку лейтенанта А.Можайского – будущего пионера авиации). Русский художественный листок, № 14, 1857.

(Рис. 7.) Обложка аниме «*Bakumatsu no spashibo*» или «Трудная дружба» в русской интерпретации. Показ мультфильма был приурочен к 160-летию заключения Симодского трактата 1855 года.